

Поздним вечером я возвращалась с дачи, сонная и страшно уставшая. Все тело болело от полевых работ. Мне хотелось только одного: побыстрее оказаться в мягкой постели. Автобус обогнал меня на светофоре. Сделав последний рывок, я помчалась к остановке, однако водитель, наверное, меня не увидел, поскольку дверь закрылась прямо перед моим носом. Было очень обидно, но сил не осталось даже на то, чтобы топнуть ногой и послать его к черту. Глянув на часы, я тяжело вздохнула, гадая, будет ли следующий или мне придется тащиться пешком.

Джип из первой полосы лихо свернул к остановке, резко затормозив напротив меня. Я ошарашенно замерла. Дверь распахнулась, здоровый дедина с перекошенным от злости лицом устремился ко мне. Не успела я моргнуть глазом, как оказалась в его лапах и, несмотря на мое сопротивление, псих бесцеремонно впихнул меня в салон автомобиля.

— Что вы себе позволяете, я в милицию позво-
ню, — прижав к себе маленькую корзинку с цве-
тами, затрепетала я от страха, когда джип рванул
с места.

Парень, не глядя на меня, саркастически расхо-
хотался. — Да что ты говоришь!

— Куда мы едем? — спросила я, дрожа как оси-
новый лист, дико пялясь по сторонам. Вокруг глу-
хая ночь, поблизости ни души, будто все вымерли,
и позвать на помощь некого.

Незнакомец бессовестно проигнорировал мой
вопрос, на его лице заиграли желваки, самым не-
приятным было то, что от него сильно пахло ал-
коголем. Мне было так страшно, что я боялась на
него смотреть.

— Меня муж будет искать! — закричала я в от-
чаянии, двинув гада по голове цветами. Парень дико
вытаращил на меня глаза, машина резко вильнула.

— Муж?! — рявкнул он, недобро щурясь, отрях-
нулся от прилипших лепестков, его лицо переко-
сило от злости. — Ну, ты и дрянь! — Псих замахнул-
ся в мою сторону с явным намерением треснуть.
Испуганно пискнув, я увернулась. Гад не попал по
мне, но намерения стукнуть не оставил. Невзирая
на то что машина неслась на бешеной скорости,
тип почти не смотрел на дорогу, сосредоточив-
шись на моей персоне.

Громко взвизгнув, я вцепилась в ручку дверцы
джипа, желая выйти немедленно, но он захлопнул
ее на ходу, на что-то нажал, и замок дверцы за-

крылся автоматически, так что я ничего не могла сделать. В первое мгновение меня сковал страх, а потом пришла отчаянная ярость, я набросилась на незнакомца с тем, что осталось от цветов, и хлестала его что есть мочи, он отмахивался, машину носило по дороге, наконец он не выдержал — выхватив букет, выбросил его в окошко.

— Сиди тихо, если хочешь жить, — процедил он сквозь зубы, дико сверкая глазами, так что я вся сжалась. Это было более чем убедительно. Мне было страшно даже дышать, не то что пошевелиться. Джип несея по городу, а на дороге ни одного гаишника. Через некоторое время бешеной гонки мы свернули к коттеджам. Скрипнув шинами, машина въехала во двор, массивные ворота закрылись за нами автоматически, у меня душа ушла в пятки. Хмурый тип вышел из машины на хорошо освещенный двор, теперь я смогла его рассмотреть. Высокий, массивный, широкоплечий, темно-русые волосы коротко стрижены. У него были злые синие глаза, небритую рожу украшала свежая ссадина. Он остановился, глядя на меня в упор, упрямо сложив руки на груди, от его тяжелого взгляда по спине бежали крупные мурашки.

— Ну, — сказал он обманчиво спокойно, — выходи, поговорим.

— О чем? — спросила я, комкая носовой платок.

— Что, не о чем? — его губы скривились в недоброй усмешке мне показалось, он опять начал злиться, а я занервничала и вышла. От объявшего

меня страха тело было ватным, нога подвернулась, и я довольно незстетично упала на четвереньки, корзинка вывалилась из рук. Он был явно впечатлен моим эффектным выходом, слабо поаплодировав, ждал продолжения.

— Не ушиблась?

— Нет, — разозлилась я, уловив сарказм в его голосе, понимая, что единственная пострадавшая часть — это мое чувство собственного достоинства. Парень явно издевался.

Он подошел, с нескрываемым презрением схватил за руку, рывком поднимая на ноги, при этом чуть не вывернул мне плечо. Мы молча пялились друг на друга. Я опустила глаза и опасливо покосилась по сторонам. Вокруг тишина, как на погосте, только залиvistое пение цикад. Свет фонарей вырывал из крошечной темноты большой двор, мощный камнем, чуть дальше — деревья, край ухоженного газона, а дальше все исчезало в темной ночи. Соседний дом находился на приличном расстоянии, так что кричать было бесполезно. Страх постепенно уступил место раздражению, мне хотелось быстрее покончить с этим недоразумением, где-то глубоко зрело любопытство.

— Идем, — позвал незнакомец. Я замешкалась, он грубо подтолкнул меня к дому.

— Я не понимаю, что это все значит, — возмущенно и испуганно пискнула я, снова чувствуя неодолимый прилив страха. Оказавшись в крошечной тьме коридора, я беспомощно выставила

перед собой руки, чтоб не врезаться ни во что, на всякий случай считая шаги. Незнакомец уверенно вел меня, поддерживая под локоть, безошибочно ориентируясь в темноте.

— Шевелись, — сказал он громко, не опасаясь среди ночи кого-нибудь разбудить, а это значило, что в доме мы были одни и спасти меня, в общем-то, некому. Псих открыл дверь, грубо толкнув меня в комнату, зашел следом, но свет включать не стал. Его манеры меня нервировали до предела. Свет фонаря с крыльца проникал через окна, освещая комнату, так что все предметы имели свое очертание, но истинную суть скрывала ночь. Незнакомец решительно шагнул ко мне.

— Дорогая, я по тебе скучал, — тип больно схватил меня за плечи, привлек к себе и поцеловал. Насиловать меня он не собирался, просто вымещал злобу. Такого я не ожидала и наотмашь треснула его по лицу, сразу осознав свою ошибку.

— Ой, — испуганно пробормотала я, глядя, как его перекосило. — Я случайно, так всегда, когда... — бессвязно лепетала я в смятении.

Даже в темноте было видно, как он побагровел.

— Сука.

Я думала, он меня прибьет на месте. Замереть у меня не вышло, я мелко задрожала, на глаза навернулись две большущих слезы, весь мир поплыл.

— Объясните мне, в конце концов, что все это значит, я вас не знаю, — горячо взмолилась я, пятясь от него на безопасное расстояние.

— Что же, освежу твою дохлую память, может, у тебя амнезия? Это очень удобно, но не прокатит. — Он скривился, вытащил паспорт из заднего кармана джинсов. — Все просто — ты моя жена.

— Не может быть!

Он открыл паспорт на нужной странице и ткнул мне в лицо.

Я тупо уставилась на штамп, явно свидетельствовавший о замужестве, и на мое имя.

— Что это? — выдохнула я изумленно, переводя взгляд с документа на незнакомца.

Парень внимательно наблюдал за моей реакцией.

— И кто такой этот Глеб? — я растерянно взирала на документ.

— Я, — коротко бросил тип, перевернув страницу туда, где была фотография. Паспорт очень похож на настоящий, но в подлинности я очень сомневалась..

— Это фальшивка, — убедительно заявила я, возвращая документ. — Вообще-то я замужем, не официально, и это никак не вы!

— У Глеба задергался глаз.

— Послушайте, живу на улице Пожарского, восемь.

— Я знаю, — кивнул он. — Жила до замужества.

— Работаю в поликлинике.

— Переулок Терехина, та, что на углу. — Постепенно Глеб выложил мою биографию в подробностях.

Я была в шоке.

— Давай без патетики. Отдай, что взяла, ответь на пару вопросов и иди на все четыре стороны, я забуду про твою неудачную попытку убить меня. Адвокаты уладят все вопросы, даже деньжат отвалю — и скатертью дорога.

Я молчала, не в силах переварить все услышанное. Одним словом — бред.

Он открыл деревянный комод, достал пузатую бутылку, два хрустальных стакана, плеснул в них янтарную жидкость. Один молча протянул мне, другой, не дожидаясь, выпил сам одним глотком.

Я принялась и пригубила, как лекарство:

— Фу!

Он поднял бровь:

— Что, не нравится?

— Что это?

— Коньяк французский. — Глеб помолчал. — Значит, амнезия, — озадаченно протянул он, качнув головой. Я поставила стакан.

— Где он?

— Я не знаю, честное слово.

Тип скривился.

— У тебя только один шанс выжить — отдай, что украла. Ты ведь даже не знаешь, что он значит, дура, тебя найдут, обязательно найдут. Когда они найдут, они всерьез возьмутся за меня, а мне это ни к чему. Если ты не скажешь по-хорошему, я все равно узнаю, но будет больно. — Глеб помолчал. — А помнишь, как мы виделись в последний раз?

Последняя фраза не была сентиментальной, в ней сквозила неприкрытая угроза. Я тихо выдохнула и заволновалась.

— Да я вас никогда не видела, и еще бы сто лет не встречать.

— Ну, конечно. — Парень взирал на меня с холодным презрением. — Ладно, — изрек он и налил себе еще выпить, — идем наверх, я тебе напомним.

Я перепугалась, аж голос пропал, а то, наверное, заверещала бы, как сирена.

— Не изображай невинность, тебе не идет. — Глеб подхватил меня, легко перебросив через плечо, понес наверх. Он поднялся на третий этаж, вошел в комнату и кинул меня на широкую кровать, не сказав ни слова, вышел, заперев за собой дверь, его шаги потерялись в тишине дома. Я осталась в полном недоумении, сев на кровати, какое-то время с замиранием сердца прислушивалась к звукам.

На тумбочке возле кровати негромко тикали часы, рядом стоял изящный ночник, я щелкнула выключателем. Мягкий свет окутал спальню, успокаивая. Комната была обставлена со вкусом.

— Бред, — осторожно сказала я своему отражению в полированной спинке кровати. Сдаваться я не собиралась, это все чудовищная ошибка, мало ли, на кого я похожа. У парня явно не все дома. На ум полезли невеселые мысли, что это все розыгрыш, глупый, ну, как в кино. В лучшем случае. А если нет? Маньяк какой-то, наркоман, алкоголик

или просто сумасшедший, кто его разберет? Паспорт, ясное дело, — фальшивка или однофамилица. Раздвоения личности у меня нет, — подытожила я, что касается абсурдных требований отдать то, чего я не брала, об этом я вообще не заморачивалась, твердо понимая одно: надо сматываться, пока не поздно. Прохладный ночной ветер затрепетал легкой шторой, я отодвинула ее пошире, распахнула окошко. Меня порадовало отсутствие решетки, собственно, это решало все.

Звезды густо высыпали в темном небе, мерцая в необъятной летней ночи. Имея неунывающую натуру и твердый характер, я не сдалась и принялась решительно связывать постельное белье тугими узлами, периодически настороженно прислушиваясь, но в доме было тихо. Времени прошло много, даже звездный узор сдвинулся. Дом дышал сном и покоем. Привязав один конец импровизированного каната к ножке кровати, подергала, проверяя его на прочность, и вылезла из окошка. Третий этаж — это мелочь, если так пугают. Веревка кончилась за целый этаж до земли, я растерянно поболталась, нечаянно обронив туфлю на газон, спасибо она упала беззвучно, видимо на траву, потом изловчилась и спрыгнула вниз, удачно минуя розы. Проверила: ноги-руки целы, собрала растрепанные волосы в косу и оглянулась по сторонам, затем поискала руками туфлю, сделав небольшой круг почета по лужайке, нашла утерянную обувь.

— Блин, — одними губами прорычала я и пустилась наутек. Забежав за одну елочку, отдышалась, потом за другую, вот, наконец, двухметровый забор. Я остановилась в раздумьях: рыть подкоп или лезть наверх. Глянув на свой маникюр, остановилась на втором варианте. Поскольку карабкаться на высокую гладкую стену я не смогла бы, я забралась на ближайшее дерево и, как гусеница, сползла по ветке на забор, оттуда спрыгнула на другую сторону, почувствовала себя на воле и триумфально припустила бегом.

В четыре утра я добралась домой. Роман спал, сладко посапывая, ни тени беспокойства или тревоги. Наверное, он подумал, что я осталась у подруги на даче.

— Ромка, — я еле растормошила его, — меня украли.

— Ага, — он посмотрел на меня мутным взглядом, потом уронил голову на подушку, досыпая.

— Я бежала.

В ответ муж заливисто всхрипнул.

У меня глаза полезли на лоб, я дико хихикнула и села на пол возле кровати, наблюдая, как занимается алой зарей посветлевшее на востоке небо. Понятно, спать не хотелось. Я тихонько сидела возле Ромки, облокотившись на диван, невесело думая, что меня связывает с этим храпящим бесчувственным чурбаном. Потом легонько толкнула его в бок, он скривил нос и почмокал губами, словно младенец.

— Ты меня любишь? — я настойчиво потрясла Романа за плечо.

— Отстань, дай поспать, — капризно отмахнулся он и, укрывшись одеялом с головой, отвернулся к стенке.

В последнее время моя жизнь выбилась из привычного ритма, что-то между нами произошло, может, мы устали друг от друга. Ромка стал часто задерживаться в офисе, мотивируя это тем, что много работы, и мне все чаще приходилось оставаться одной. Я грустно вздохнула, уронив голову на руки. Мне так хотелось рассказать мужу, что произошло этой ночью, во всех подробностях и услышать в ответ что-нибудь успокоительное, типа: не переживай, любимая, ты со мной, и все будет хорошо. Я тебя никому не отдам. Может, ничего и не было, я пожалала плечами, тяжело встав с пола, поплелась в душ. Странно, но усталости не чувствовалось, наверное, это действие адреналина. То, что произошло ночью, казалось нелепым, как дурной сон, а сны, как известно, развеиваются на рассвете. Солнце встало, лучики весело заскользили по стене, врываясь в дом радостным утренним светом, на часах стрелка подходила к восьми. Нетерпеливо зазвонил будильник.

— Маруся, дай кофе, — Роман с трудом открыл один глаз, другой он тер ладошкой.

Терпеть не могу это шутовское прозвище. Ромка с трудом выполз из постели, почесав хорошо наметившийся пивной животик, сделал три приседания и два наклона, я вяло поплелась на кухню.

— Ты чего такая смурная? — Он пришел следом, чмокнул меня в затылок. — Не выспалась? — Ромка сонно щурился.

— Я вообще не спала.

— Бессонница? — Он ухватил чашку и плюхнулся на стул, шумно прихлебывая горячий кофе, а еще у него в руках появилась газета, и он благополучно забыл о моем существовании. Мне почему-то расхотелось рассказывать ему, да и зачем? Все это нелепость. Утренний свет сделал совершенно нереальными события прошедшей ночи, страхи развеялись в обычной жизни — спокойной, упорядоченной, даже скучноватой. Не ответив, я вернулась в комнату, скорее чтобы успокоиться, обшарила ящик стола, где хранились мои документы. Паспорта не было, внутри неприятно екнуло.

— Ром, я хочу поехать в Турцию, — на ходу сымпровизировала я.

— Поедем позже, я сейчас очень занят, ты же знаешь, у меня заказ, нужно успеть в срок, если поедем, то без меня все закроют.

Его непосредственность меня успокоила. Он бы еще долго бухтел на эту тему, но я его перебила:

— Где мой паспорт, я что-то его не вижу.

— Он сто процентов где-то в доме, я его недавно видел, а может, я его в сейф случайно захватил со своими бумагами, нужно поискать. Это все потому, — назидательно добавил он, выглядывая из кухни, — что твои документы валяются где попало.

— Кто бы говорил, — возмутилась я. Хотя это чистая правда.

— Елки, я опаздываю, — крикнул Роман из ванной, — сделай по-быстрому завтрак.

Я встала к плите. Из дома мы вышли вместе. День выдался по-летнему пригожий.

— Радость моя, я завезти на работу тебя не смогу, просто не успеваю, у меня сегодня важная встреча, а еще Людмилу Петровну захватить надо, ты же понимаешь.

Он быстро наклонился, небрежно чмокнув меня куда-то в висок. Настроение резко испортилось, обида подступила к горлу. У меня в памяти всплыл образ той самой Людмилы Петровны, главного бухгалтера моего мужа. Молодая тощая рыжеволосая фифа, завитая, как баран, с вечно кислым выражением лица. Меня аж передернуло, терпеть ее не могу. Но муж говорит, она супербухгалтер и незаменима, столько денег нам сэкономила, и фирма процветала не без ее усилий.

— Ладно, — махнула я рукой и поспешила на остановку.

Автобус с утра — нелегкое испытание, как я ни спешила, все-таки чуть-чуть опоздала. Алла Георгиевна скорчила недовольную гримасу, она-то приходила на работу за полчаса.

— Ну, милочка, как это вам удается хоть на десять минут, но опоздать? — Моим непосредственным начальником она не была, хотя выслушивать

охи-вздохи по поводу десяти минут было неприятно. Я пожала плечами и пошла на свое рабочее место.

Лето стояло в самом разгаре, большая часть сотрудников разлетелась по отпускам. Завидуя им белой завистью, я с грустью посмотрела в распахнутую балконную дверь, взгляд упал на календарь.

— Боже! — Я вдруг сообразила, что у мужа день рождения через две недели, а подарка у меня нет, я уже молчу про Ритку, у нее сие событие вообще на носу. Открыв кошелек, я застонала от редкостной нехватки денег. Получая определенную сумму каждый месяц как совладелица фирмы, зарплату у мужа я давно не брала и сейчас об этом очень пожалела.

Я улыбнулась, вспомнив, как мы с ним познакомились на выставке. Хотя все началось немного раньше. Я решила открыть фирму. Сначала продала свою квартиру в центре, потом сняла угол в коммуналке и активно занялась бизнесом. Вот тогда мы встретились с Ромкой, он был худенький и настойчиво ухаживал за мной, а я его не замечала, но он не сдавался. Чтобы быть ближе, он устроился работать в мою фирму, а потом внес небольшую сумму и стал совладельцем, а через некоторое время и мужем. Ромка в бизнесе просто ас, он сколотил дружную команду, и мы процветали. Он трогательно освободил меня от забот. И я, наконец, перестала работать как вол, хотя потом все же пошла на полставки в поликлинику, чтоб не киснуть дома. На работе мне все откровенно завидовали, мол, не работает, а с жиру

бесится, подцепила богатого заботливого мужика. Ну что я могу сделать, конечно, мне повезло, но для этого я долго и упорно трудилась. На этой сентиментальной ноте я набрала мужа.

— Ром, мне нужны деньги.

— Сколько?

Я назвала сумму.

— Ого, — присвистнул он, — зачем тебе столько?

Я вдруг вспомнила, что у нас юбилей совместной жизни и удвоила сумму. Ромка озадаченно хмыкнул: «Больше спрашивать не буду, понял. Сания-курьер завезет после обеда».

После работы, довольная как слон, я отправилась по магазинам присмотреть что-нибудь подходящее, сумма позволяла разгуляться. Зная, как Ромка любит дорогие подарки, я раздумывала, что подарить. Мне хотелось порадовать его чем-нибудь значительным, но я никак не могла выбрать. Вспомнилось, как в прошлом месяце он потерял мобильный, а я ему подарила крутой, последней модели, счастью не было предела. Ромка все время откровенно хвастал, при случае и без выставляя мобильник напоказ. Я задержала взгляд на сверкающей витрине, размышляя. Может, купить дорогие швейцарские часы или перстень с хорошим бриллиантом, хотелось бы машину. Хотя сумма была приличной и у меня имелась заначка, о которой муж не знал, я все равно немного не дотягивала до своей мечты. На часах можно выгравировать что-то